



НАДЕЖДА ПЕТРОВНА ДЫРЕНКОВА

31.05.1899 — 28.10.1941

**MONUMENTUM  
AERE PERENNIUS<sup>1</sup>**

**MONUMENTUM  
AERE PERENNIUS<sup>1</sup>**

Эта книга выходит в свет в год 175-летия со дня рождения Фридриха Вильгельма (в России — Василия Васильевича) Радлова — выдающегося российского востоковеда, одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук. Неоспорима его роль в создании Музея антропологии и этнографии, в истории Азиатского музея, ряда других научных учреждений России. Без его имени невозможно представить историю изучения Алтая, Сибири и Центральной Азии. Наследие Радлова многообразно — это книги и статьи, экспедиции, музейные коллекции, международные научные школы — учениками его учеников считают себя многие ученые и в России, и за ее пределами.

Радлов, приняв Музей в 1894 г. и возглавляя его четверть века, проявил себя как выдающийся органи-

This book is released on the occasion of the 175<sup>th</sup> anniversary of Friedrich Wilhelm Radloff (in Russia known as Vasily Vasilievich Radlov) — a prominent Russian orientalist, one of the founders of comparative historical study of Turkic languages, ethnographer, archeologist, mastermind of science and museology and full member of the Petersburg Academy of Sciences. His role in the formation of the Museum of Anthropology and Ethnography is unquestionable just as it is in the history of the Asiatic Museum and a number of other scientific establishments of Russia. It is impossible to imagine the history of study of Altai, Siberia and Central Asia without him. The heritage of Radloff is diverse — it includes books and articles, expeditions, museum collections and international scientific schools. A great many scholars and scientists from Russia and well beyond consider themselves to be disciples of his disciples.

---

<sup>1</sup> Памятник прочнее меди (лат).

---

<sup>1</sup> A monument more permanent than bronze (Latin).

зитор науки и администратор. Для решения поставленной задачи было необходимо создать на базе Музея научный центр европейского уровня, организовать пополнение, регистрацию и научное описание коллекций, создать новую современную экспозицию, обеспечить издание научных трудов. В основу деятельности Музея был положен принцип *собирания путем систематических научных экспедиций*. Все требовало самого неотложного решения: финансы, помещения, но главное — кадровый состав, ведь в 1894 г. Радлов застал в Музее лишь одного хранителя (в тот период учебные заведения России не готовили студентов по специальности «Этнография»).

Радлов нашел нестандартное решение. В 1897 г. он привлек к работе прекрасного сибирского этнографа и археолога, ссыльного народовольца Дмитрия Александровича Клеменца (1847–1914). Годом позднее он отправляет его в Турфанскую экспедицию (Китайский Туркестан), благодаря которой в России появились древнейгурские памятники, — Радлов немедленно начал их изучение и публикацию. Для того чтобы в 1901 г. принять на работу одного из создателей знаменитой ленинградской этнографической школы, в будущем — члена-корреспондента АН СССР Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927), Академия наук выхлопотала ему трехмесячное право жительства в столице: «И каждые три месяца акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное отделение

Having taken over the Museum in 1894 and heading it for a quarter of a century, Radloff showed himself as an outstanding mastermind of science and administrator. In order to solve the task at hand it was necessary to establish a scientific center on the basis of the Museum that would be up to European standards, to organize replenishment, registration and scientific description of collections, to create a new modern exposition and to ensure publication of scientific works. The principle of *collecting by means of systematic scientific expeditions* was assumed as the basis for the Museum's work. Urgent intervention was needed at every stage: funds, premises and — the most pressing issue at hand — personnel, for when Radloff came to the Museum in 1894, there was only one curator. At the time educational establishments in Russia did not prepare specialists in the field of “ethnography”.

Radloff found a nonstandard solution. In 1897 he got a wonderful Siberian ethnographer and archeologist involved, Dmitrii Alexandrovich Klements (1847–1914), an exiled member of the “Narodnaya Volya”<sup>2</sup>. One year later he sent him into a Turfan expedition (Chinese Turkestan), thanks to which ancient Uyghur monuments appeared in Russia. Immediately Radloff began studying and publishing those monuments. In 1901 in order to

<sup>2</sup> “Narodnaya Volya” (“The People's Will” or “The People's Freedom”) — Russian left-wing terrorist organization, best known for the successful assassination of Tsar Alexander II of Russia.

хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения».<sup>2</sup> Начиная с 1898 г. с Музеем сотрудничал народоволец и выдающийся исследователь культуры народов Северо-Восточной Азии Владимир Ильич Йохельсон (1855–1937), который впоследствии был приглашен Радловым заведовать отделом Средней и Южной Америки. Среди политических ссыльных, чья жизнь оказалась связана с Музеем антропологии и этнографии, был и революционер, писатель, этнограф и лингвист с мировым именем Владимир Германович Богораз и многие другие. По настоянию Радлова политические ссыльные, собирающие коллекции для Музея, по окончании срока ссылки получали разрешение на проживание в столице для обработки собранных коллекций. Так возникла Ленинградская этнографическая школа, объединявшая стремление к глубоким теоретическим разработкам с самоотверженной полевой работой.

В.В. Радлову, имевшему заграничный диплом, по правилам того времени не позволялось читать лекции в университете, и он создает в своей квартире кружок, объеди-

accept for employment Lev Sternberg (1861–1927), one of the founders of the famous Leningrad Ethnographic School and in the future a corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR, one had to obtain first the right for him to live in the capital for three months. There were two “great ineffaceable blots” on Lev Sternberg escutcheon: he was a revolutionary and thus a political criminal, and secondly he was a Jew, a Jew with no degree of a higher educational establishment. And every three months academician Radloff and academician Zaleman would go to the Security Department at the time in order to petition for the extension of the permission”<sup>3</sup>. From 1898 the Museum collaborated with a member of the Narodnaya Volya and a prominent specialist in the culture of the peoples of North-Eastern Asia, Vladimir Jochelson (1855–1937), who later was invited by Radloff to manage the department of Middle and Southern Americas. Among political exiles, whose lives were connected with the Museum of Anthropology and Ethnography, was a revolutionary, writer, ethnographer and linguist of worldwide reputation Vladimir Bogoraz, and many others. At Radloff’s insistence, political exiles who were putting together collections for the Museum were given permission to live in the capital after their term was over in order to

<sup>2</sup> *Ратнер-Штернберг С.А.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным). Л., 1925. С. 32–33.

<sup>3</sup> *Ratner-Shternberg S.A.* Lev Yakovlevich Shternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences (according to personal recollections, literary and archive data). Leningrad, 1925. P. 32–33.

нивший талантливую молодежь. А.Н. Самойлович, один из крупнейших российских тюркологов первой половины XX в., писал в 1915 г. своему не менее выдающемуся коллеге В.А. Гордлевскому: «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова *частный* кружок “алтаистов” (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление плановости, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я». И далее, в одном из следующих писем (08.11.1915): «Завтра третье заседание кружка алтаистов. Примкнул к нам еще Бартольд. Будем разбирать работу Рамстедта о монгольском местоимении... Предполагается издание справочника о русских монголистах, тунгусистах и тюркологах (без различия национальности и пр.). Радлов страшно увлекается кружком и недоволен, что редко собираемся (1 раз в месяц)»<sup>3</sup>.

Эта инициатива нашла свое продолжение в кружке, созданном после смерти Радлова при Музее

process the collections they put together. Thus, the Leningrad Ethnographic School, which integrated an aspiration for deep theoretical developments and selfless labor in the field, came to be.

In accordance with the rules of the time, Radloff, who had a degree from a foreign establishment, was not allowed to deliver lectures at any Russian university, and so he formed a study group that met in his apartment and united the talented youth of the day under its umbrella. Alexander Samoylovich, one of the major Russian Turkologists of the first half of the 20<sup>th</sup> century, wrote to his similarly prominent colleague Vladimir Gordlevskii: “My long-standing dream of uniting Russian Turkologists apparently is beginning to come to fruition: in my initiative on September 12<sup>th</sup> a *private* study group of “Altaiists” (a Turkish-Mongol-Manchurian one) met at the apartment of Radloff; its tasks are: to join scientific efforts, to establish regularity, to tally up totals, to elaborate programs and to develop questions collectively, which would exceed individual efforts. The study group was attended by: Radloff, Kotvich, Rudnev, Sternberg, Vladimirtsov and myself”. And then it was followed by the content of the following letter (dated 08.11.1915): “Tomorrow the third meeting of the Altaiist group will take place. We will also be joined by Barthold. We will be analyzing the work of Rumstedt about the Mongolian pronoun... The publication of the reference book about Russian Mongolists, Tungusists and Turkologists is

<sup>3</sup> Баскаков Н.А. А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // Тюркологический сборник. 1973. № 5. См. также: Благова Г.Ф. Андрей Николаевич Кононов как первый председатель Советского комитета тюркологов // Тюркологический сборник. 2007. С. 9.

антропологии и этнографии и существовавшем с 1918 по 1930 г., вплоть до основания Института востоковедения АН СССР. По представлению В.В. Бартольда «Положение» о кружке было в 1922 г. утверждено Академией наук: «Радловский кружок имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которым была главным образом посвящена деятельность академика В.В. Радлова, т.е. филологии, этнографии и истории турецких народностей»<sup>4</sup>. Так была сохранена отечественная тюркологическая школа.

Учеником Радлова был Сергей Ефимович Малов (1980–1957). С деятельностью В.В. Радлова и С.Е. Малова связана серия настоящих пионерских работ. После смерти Радлова Малов продолжил работу своего учителя и передал традицию уже своим ученикам.

Надежда Петровна Дыренкова (1899–1941), ученица С.Е. Малова, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз, смогла объединить блестящую тюркологическую традицию, заложенную В.В. Радловым, с теоретическими достижениями и методами работы Ленинградской этнографической школы. Выдающийся этнограф-фольклорист, она вслед за своими учителями собирала материал для научных работ в первую очередь в поле. Вполне закономерно,

<sup>4</sup> Кононов А.Н. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917–1967 // Тюркологический сборник. 1970.

expected (without any attention paid to one's nationality and so on). Radloff has taken a great interest in the group and is discontent with getting together so rarely (only once a month)"<sup>4</sup>.

This initiative found its extension in the group formed after Radloff had passed away under the Museum of Anthropology and Ethnography, and it existed from 1918 to 1930, up to the founding of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. According to Vasilij Barthold, the "regulation" about the group was settled by the Academy of Sciences in 1922 in the following manner: "The objective of the Radloff group is the promotion of the scientific disciplines, which the activity of academician Radloff was primarily devoted to, i.e. philology, ethnography and history of Turkish peoples"<sup>5</sup>. Thus our Turkologist school was preserved.

Sergey Malov (1980–1957) was a student of Radloff. A number of really pioneering works has to do with the activities of Radloff and Malov. After Radloff passed away, Malov continued the work of his teacher and passed the tradition on to his own students.

Nadezhda Dyrenkova (1899–1941), a student of Sergey Malov, Lev Shternberg and Vladimir Bogoraz,

<sup>4</sup> *Baksakov N.A.* A.N. Samoylovich in his letters to V.A. Gordlevskii // *Soviet Turcology*. 1973. № 5. See also G.F. Blagova. Andrei Nikolaevich Konokov as the first chairman of the Soviet Committee of Turkologists. *Turkolodicheskiy sbornik* (2007). P. 9.

<sup>5</sup> *Kononov A.N.* *Turkic Linguistics in Leningrad. 1917–1967 // Turkolodicheskiy sbornik*. 1970.

что сегодня подготовка ее статей к изданию потребовала кооперации многих специалистов из России и Германии.

Она умерла за своим рабочим столом в Музее в первый год Ленинградской блокады, успев доделать только маленькую толику того, что задумала. Я очень рад, что значительная часть ее блестящего наследия — *monumentum aere perennius* — сегодня найдет своего читателя благодаря инициативе и настойчивости наших российских и немецких коллег.

could merge a brilliant Turkologist tradition, developed by Radloff, with theoretic achievements and work methods of the Leningrad Ethnographic School. Following in the footsteps of her teacher and being a prominent ethnographer and student of folklore, she collected materials for research work in the field at the first place. It is absolutely natural that today the preparation of her articles for publication has demanded the cooperation of many specialists from Russia and Germany.

She died at her worktable in the museum in the first year of the Leningrad blockade, having managed to complete only a little of what she had planned. I am very grateful that a significant part of her brilliant heritage — *monumentum aere perennius* — will find its readers today thanks to the initiative and persistence of Russian and German colleagues.